

Роман Сергеевич Бевзенко

партнер юридической компании «Пепеляев Групп»,
профессор РШЧП, кандидат юридических наук

Операция «Липовые бумажки». К проблеме сноса самовольных построек

В статье анализируются юридические аспекты сноса самовольных построек в административном порядке. Разбираются частные вопросы права недвижимости, в том числе значение записи в реестре для констатации наличия или отсутствия права собственности на недвижимое имущество.

Ключевые слова: недвижимость, регистрация прав на недвижимость, самовольная постройка

Roman Bevzenko

Partner at *Pepelyaev Group*, Professor at the Russian School of Private Law, PhD in Law

Operation *Fake Papers*. On the Problem of the Demolition of Unauthorized Constructions

The article analyses legal issues of the demolition of unauthorised constructions according to administrative (non-judicial) procedure. The author considers specific issues of real property law, including the effect of an entry on a register on the creation of the right of ownership to an immovable object.

Keywords: immovable property, registration of title to immovable property, unauthorised construction

Эти торговцы подобны острию меча, которое проводит лишь царапину. Сегодня они навесили навесы и торгуют, а завтра явятся с большими навесами, потом построят здания, чтобы лучше шла торговля. Вначале острие меча, потом все лезвие. Они должны быть уничтожены.

Г. Гаррисон. Конные варвары

О жесткой позиции Москвы по сносу в феврале 2016 г. самовольных построек, возведенных на землях общего пользования, уже много сказано и написано. Тем не менее я бы хотел сформулировать свое отношение к тому, что произошло, и описать проблемы, которые, на мой взгляд, особенно четко выявились в ходе сноса.

Выражаю особую благодарность редакции портала «Закон.ру», которая провела анализ судебных актов, на которых основывали свои права застройщики, чьи строения были снесены в ту знаменитую ночь, которую досужие московские остряки метко называли «ночью длинных ковшей»¹.

Далее я хотел бы ответить на несколько вопросов, которые являются ключевыми для юридической квалификации «ночи длинных ковшей». Я вполне осознанно писал эту заметку языком обывателя, пользуясь где-то даже жаргонизмами, ведь в феномене самовольного строительства есть нечто исконно русское, крепко замешанное на идее мягкого сопротивления любым инициативам властей упорядочивать жизнь народа. Господствующая у народа идея, что любое регулирование — зло, так как все, что исходит от государства, — зло, и тут крепко дала о себе знать: симпатии общества скорее на стороне самовольных застройщиков, поскольку люди остро чувствуют несправедливость ситуации: раньше самовольные постройки не замечали, а где-то даже за взятки закрывали на них глаза, а теперь вдруг все обострилось...

Но в сторону подобные рассуждения, давайте о праве.

1. Имеет ли какое-нибудь значение то, что в отношении части построек было зарегистрировано право собственности в ЕГРП?

На этот вопрос я бы ответил так — нет, не имеет.

В российском гражданском праве запись в реестре прав на недвижимость имеет по общему правилу *правопорождающий эффект*: права на недвижимость создаются записями, которые регистраторы вносят в реестр (п. 2 ст. 8.1 ГК РФ).

Однако наша государственная регистрация прав на недвижимость существует в виде так называемой негативной регистрационной системы, особенность кото-

¹ См.: Багаев В. «Ночь длинных ковшей» в документах. Какие «бумажки» подтверждали права собственников снесенных построек. URL: https://zakon.ru/blog/2016/02/20/noch_dlinnyh_kovshej_v_dokumentah_kakie_bumazhki_podtverzhдали_prava_sobstvennikov_snesennyh_postro.

рой заключается в том, что запись сама по себе не создает право на недвижимость, необходимо, чтобы под записью было *должное правовое основание* — действительная сделка, акт госоргана или законное возведение строения. Если действительно основания для приобретения права собственности на недвижимое имущество нет, то запись в реестре не породит права.

Все сказанное касается и самовольных построек: само по себе попадание в реестр объекта, который был построен с нарушением норм земельного или градостроительного законодательства, не делает его «несамовольной» постройкой. Эта позиция (совершенно оправданная с точки зрения как догмы, так и правовой политики) была в свое время сформулирована ВАС РФ в п. 5 обзора № 143². Легализующее значение имеет лишь *регистрация построек, построенных «неправильно», в рамках так называемой дачной амнистии*.

Кроме того, насколько я понимаю, часть снесенных объектов были возведены как временные киоски, причем земельные участки предоставлялись именно для этих целей. Я недаром вынес в эпиграф к заметке цитату из одной своих самых любимых в детстве книг. Нет ничего более постоянного, чем временное. Постепенно палатки юридически превращались в павильоны, те — в сооружения, последние становились «вдруг» недвижимостью, права на которую были записаны в реестр.

В связи с тем, что в ст. 130 ГК РФ крайне неудачно написано, что недвижимостью являются здания и сооружения и всякий любой иной объект, неразрывно связанный с земельным участком (а не только земельный участок, как это происходит в странах с давней гражданско-правовой культурой), мы в действительности не знаем, что такое недвижимость по российскому праву.

Именно поэтому в качестве недвижимости оказываются зарегистрированными такие объекты, которые недвижимостью (а то и вовсе вещами) не являются: заборы, асфальтовые площадки, футбольные поля и пр. Та же проблема наблюдается, когда в качестве недвижимости регистрируется то, что на самом деле является движимой вещью (в практике Президиума ВАС РФ это дело «Хумарян против г. Новосибирска»³).

Такая регистрация никогда не превратит тот объект, который в действительности является движимостью (модульные сборно-разборные павильоны), в недвижимость. Ровно то же самое происходит и с самовольной постройкой: да, права на нее записаны в реестр, но так как вещные права на недвижимость предоставляют только те записи, которые внесены на законном основании (в том числе основании, связанном с законным строительством, что подчеркивает Верховный Суд РФ в п. 38 постановления Пленума от 23.06.2015 № 25), никаких прав на самовольную постройку не возникает. Поэтому ссылка на то, что права на такой объект зарегистрированы в реестре, сама по себе тоже ничего не дает, а выражение «собственник самовольной постройки» превращается в оксюморон.

² См.: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.12.2010 № 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации».

³ См.: постановление Президиума ВАС РФ от 24.01.2012 № 12576/11.

Обсуждая проблемы административного (внесудебного) сноса самовольных построек, коллеги много и часто поминают добрым словом п. 6 ст. 8.1 ГК РФ и ст. 2 Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», в которых сказано, что «зарегистрированное право может быть оспорено только в судебном порядке». Это хорошие и правильные слова. Но они — про частное право и частноправовые споры между тем, кто записан в реестр, и тем, кто хочет быть туда записанным.

Московская мэрия не оспаривала право на недвижимость, она не претендовала на то, чтобы считаться/стать собственником этих палаток. Мне кажется, что это грубая методологическая ошибка — защищаться нормами частного права от реализации администрацией своих административных полномочий. Мэрия реализовывала свое публичное правомочие — сносить то, что стоит на землях общего пользования (при условии, разумеется, что мы согласны с тем, что такое правомочие есть; об этом ниже). Частноправовая норма здесь совершенно ни при чем.

Кстати, вспомнилось, что я как-то уже достаточно давно писал про три возможных варианта правовой политики в отношении самовольного строительства: «пусть они строят», «снести все», «что-то третье»⁴. Власти выбрали «снести все».

Однако все написанное выше не означает, разумеется, что власть может просто взять и сказать: «А нам кажется, что ваши постройки самовольны и незаконно записаны в реестр, мы хотим их снести». Должен быть соответствующий иск в суд о признании постройки самовольной и последующий снос (правда, очень сложным является вопрос о том, всегда ли надо сносить самовольную постройку, он заслуживает отдельного обсуждения).

Правда и то, что в некоторых случаях (угроза жизни и здоровью граждан), а равным образом при очевиднейшей, вопиющей незаконности постройки, права на которую зарегистрированы (например, нахождение ее на землях общего пользования; собственно, такие постройки никогда не могут быть легальными), у администрации должно быть право в административном порядке квалифицировать постройку как самовольную. Однако, опять же, это должно проходить в рамках строго регламентированной процедуры с возможностью последующего судебного оспаривания ее результата.

Но хочу еще раз повторить — все написанное выше о силе записи в реестре в отношении самовольных построек не означает, что администрация может произвольно сносить их.

2. Имеет ли какое-нибудь значение тот факт, что в отношении части построек состоялись решения судов?

Это непростой вопрос, ответить на него одним словом не получится. Дела были разные, и их надо разбирать отдельно, по категориям споров.

⁴ См.: *Бевзенко Р.С.* «Снести все» или «Пусть они строят»? О правовой политике государства в сфере самовольного строительства. URL: https://zakon.ru/blog/2014/05/03/snesti_vsyo_ili_pust_oni_stroyat_o_pravovoj_politike_gosudarstva_v_sfere_samovolnogo_stroitelstva.

Решения о признании права собственности. Они могут быть двух типов. Первый — о признании права собственности на самовольную постройку по ст. 222 ГК РФ. Если такое решение состоялось, то постройка легализована и снести ее уже нельзя. Насколько я понял, в рассматриваемом случае ни у кого таких решений не было. Собственно, выиграть дело о легализации по ст. 222 ГК РФ примерно с 2010 г. фактически невозможно. В московской же ситуации это невозможно в принципе, ведь для легализации по ст. 222 нужно быть собственником земельного участка. Ни у кого из владельцев снесенных построек земли в собственности не было.

Второй вид — это решения о признании права собственности на постройки по п. 1 ст. 218 ГК РФ. Это такие очень «стремненькие» дела, в которых истец как бы говорит: «Я тут, это, сам для себя за свой счет кой-че построил. Суд, добренький, признай право собственности, тебе че, жааааалко, что ли». Некоторые суды в таких ситуациях признавали право. Потом на основании этих решений права регистрировались в реестре.

В свое время был целый коррупционный бизнес — «легализация недвижимости через суд» в обход правильной процедуры регистрации прав, но Президиум ВАС всю эту «ахалай-махалай» юриспруденцию остановил⁵. Понятно, что если лица, чьи объекты были снесены, основывают свое право, записанное в реестре, на основе таких судебных актов, то они не могут ссылаться на них в качестве защиты от сноса. В таких делах никогда не обсуждался вопрос о том, являются ли постройки самовольными, и потому эти решения преюдициальными назвать нельзя.

Единственное правильное решение суда, которое могло бы защитить от сноса, — это решение о признании права собственности по ст. 222 ГК РФ, только оно имело легализующий эффект.

Решения по делам о сносе построек, проигранные мэрией. Таких дел довольно много. Через некоторое время после назначения/избрания С.С. Собянина мэром Москвы мэрия начала активно расчищать наследство, оставшееся от Лужкова. Насколько я понял из обзора «Закон.ру», почти все дела были проиграны по причине пропуска исковой давности: городские власти знали о факте возведения самовольных построек довольно давно, при Лужкове ничего не делалось, система кормлений с малого и среднего бизнеса московского коррумпированного чиновничества работала исправно. В общем, московские власти, поняв, что в судах они все проиграют по причине исковой давности, сделали хитрый ход: не получилось снести в суде, так будем теперь сносить постройки без суда⁶.

Исковая давность — это то, что заявляется в суде. Если нет суда, то об исковой давности заявлять некому. Экскаваторщику об исковой давности особенно не заявишь, он тебя ковшом, ковшом...

Тут меня смущают две вещи.

⁵ См.: постановление Президиума ВАС РФ от 18.09.2012 № 4464/12 по делу № А51-2921/2011.

⁶ Практически детективная история возникновения новой нормы п. 4 ст. 222 ГК РФ описана очень хорошо в Живом Журнале пользователем Boris Lvin. URL: <http://bbb.livejournal.com/2939230.html>.

Во-первых, все-таки новый п. 4 ст. 222 написан так, что создается впечатление, что сносить без решения суда власти могут только в том случае, если лицо, возведшее здание, неизвестно: «4. Органы местного самоуправления городского округа (муниципального района в случае, если самовольная постройка расположена на межселенной территории) вправе принять решение о сносе самовольной постройки в случае...

...В случае, если лицо, осуществившее самовольную постройку, не было выявлено, снос самовольной постройки может быть организован органом, принявшим соответствующее решение, не ранее чем по истечении двух месяцев после дня размещения на официальном сайте уполномоченного органа местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сообщения о планируемом сносе такой постройки».

Закон ни слова не говорит о том, что власти могут снести постройку в случае, если лицо было выявлено. А о том, что самовольные застройщики были известны, свидетельствуют кадры «ночи длинных ковшей»: эти люди защищались кто плакатами «У нас самовола нет» и ссылками на Конституцию, кто — портретами В.В. Путина, а кто — даже святыми иконами. Как известно, ничего не помогло.

Очень хороший вопрос про ретроспективность новой нормы п. 4 ст. 222 ГК РФ. Я не думаю, что здесь есть вопрос обратной силы. Ведь эти постройки и раньше были самовольными, изменился лишь порядок сноса. Моя позиция заключается в том, что проигрыш Москвы в суде по исковой давности иска о сносе означает, что они не могут сносить эти сооружения и вне суда. Поэтому ответ такой — те постройки, которые подпадают под п. 4 ст. 222, которые были построены до вступления этой нормы в силу и по которым не было решения суда об отказе в сносе в связи с исковой давностью, могут быть снесены. Другое дело, что сам по себе текст этого пункта разрешает снос только тогда, когда лицо, возведшее постройку, неизвестно.

Во-вторых (и это меня волнует очень сильно), даже в этих «ахаляй-махаляй» делах о признании права собственности по ст. 218 ГК РФ в качестве ответчика (номинального, молчаливого, заявлявшего, что, мол, «все на усмотрение суда») всегда участвовала местная власть в лице того или иного подразделения московской мэрии. То есть тогда они молчали про то, что это вообще-то была временная палатка или разборный павильон, а теперь вдруг прозрели... Странное и противоречивое поведение!

3. Лицо приобрело здание, думая, что с ним все хорошо, раз права на здание записаны в реестр. Но потом выяснилось, что это самовольная постройка.

Я несколько раз читал рассуждения о том, что люди, которые купили здания у тех, кто «странно» возвел их в период генерал-губернаторства Ю.М. Лужкова, являются добросовестными приобретателями и должны быть защищены от сноса.

Однако здесь кроется ошибка. Еще раз напомню, что запись не легализует самовольную постройку. Она — не объект прав, не недвижимость, она вне оборота, на нее в принципе не может быть собственности. По добросовестности можно приоб-

рести только вещь, то, что в принципе оборотоспособно. Нельзя по добросовестности приобрести, скажем, танк или дозу героина, так как никто не может быть собственником этих объектов. То же и с самовольной постройкой. Добросовестность здесь не защитит. О последствиях записи в реестр в отношении самовольной постройки я уже написал выше.

В общем же, я для себя сделал три важных вывода. Первые два касаются публичного права, третий — частного.

- (1) У нас совершенно не развита идея административной давности. В частном праве все это есть: если ты пойдешь в суд по нарушению, которое было очень давно, ответчик заявит о давности и ты проиграешь. Если ты попытаешься вне суда реализовать свои частные права (зачет, инкассо, внесудебное обращение взыскания и пр.), ты не сможешь это делать за пределами сроков исковой давности (п. 2 ст. 199 ГК РФ).

В публичном же праве ничего похожего нет, об этом совершенно никто не пишет и не рассуждает. Но мне кажется, что ситуации очень похожи: если администрация могла что-то сделать, реализовав свою публичную власть, но долгое время этого не делала, то должна работать ровно та же идея, что и в частном праве: право администрации реализовывать свои публичные правомочия должно пресекаться. Ровно по тем же причинам, почему в частном праве вводится исковая давность.

- (2) У нас в публичном праве совершенно не развита доктрина, которая активно свивает себе гнездо в частном праве сейчас: запрет противоречивого поведения (эстоппель) (хотя принцип сформировался, насколько я знаю, в международном *публичном* праве). А ведь московские власти надо бы бить именно эстоппелем: да, все эти решения судов (конечно, не «странные» бумажки) не обладают преюдициальным значением для разрешения вопроса о самовольном характере постройки и, строго говоря, именно поэтому не защищают от признания постройки самовольной. Однако если московская власть участвовала в тех «странных» делах и тогда не заявляла о самовольном характере постройки, то сегодняшнее ее поведение входит в противоречие с предшествующим. А такого быть не должно. Почему-то в публичном праве об этом вообще никто не пишет и не говорит.

То, что снос палаток проходил ночью, добавляет лишний вес аргументу, согласно которому Москва сама понимала, что делает нечто не вполне правовое. Административный эстоппель особенно должен заиграть яркими красками. Хотя, конечно, Москва скажет, что она сделала это ночью, чтобы не создавать пробки и чтобы в сносимых палатках не было людей. Но ведь тогда Москва сама нарушила свой собственный закон от 12.07.2002 № 42 «Об административной ответственности за нарушение покоя граждан и тишины в ночное время в городе Москве». Опять же, эстоппелем ее.

Собственно, эти два замечания очень хорошо демонстрируют современное состояние науки административного права в России: ученых нет, нормальных работ нет, дискуссий нет, хотя бы какого-то подобия научной или околонаучной жизни тоже нет (в цивилистике сейчас все намного лучше). Поэтому администрация не связана вообще ничем, ведь настоящее административное право в России отсутствует.

Мой коллега по РШЧП А. Егоров как-то рассказывал, что у немцев долгое время с административным правом была та же история: всем нравилось заниматься частным правом, и оно у немцев достигло невиданного расцвета. А публичное право буксовало. Но вот несколько цивилистов бросили частное право и начали разрабатывать административное право, внося в него метод и ценности частного права, и сделали из немецкого административного права такую же конфетку, какой является частное.

У нас я знаю только Д. Степанова, который, вроде бы, увлекся публичным правом. Может быть, он возьмет на себя эту тяжкую ношу. Есть великолепная Е. Поветкина, которая всегда была прекрасным тонким цивилистом, а теперь сильно интересуется градостроительным и земельным правом. А может быть, кто-то еще из нашего потенциального золотого юридического юношества из РШЧП прельстится славой первопроходца в публичном праве, впряжется в эту лямку и вытащит интереснейшую и сложнейшую отрасль права из того болота, в котором она сейчас прозябает.

- (3) Последнее соображение, скорее, политико-правового свойства. «Ночи длинных ковшей» не было бы, если бы у нас была нормальная система вещных прав (например, право застройки) и здание рассматривалось бы как составная часть права застройки, а не как самостоятельный объект. В этом случае не было бы горьких ожиданий, связанных с тем, что «я право на здание зарегистрировал, но прав на землю у меня нет». Кстати, насколько я понимаю, у всех этих бедолаг если и была какая-то аренда, то она была для размещения временных сооружений, да и ту московские власти уже наверняка в одностороннем порядке прекратили (это к вопросу о том, что нынешняя аренда не является серьезным правовым титулом на землю). Нынешняя московская история показала, что главное в праве недвижимости — это права на земельный участок, все остальное — тлен.

Разумеется, следует артикулировать мое отношение к произошедшему, иначе получится простой холодный, эмоционально неяркий анализ ситуации, а она сама по себе является крайне характерной для современного российского юриста.

Кстати, у действий мэрии есть и поклонники, даже среди известных людей, скептически настроенных в отношении властей, вроде К. Собчак, которая эмоционально где-то заметила, что «красота выше права».

Для меня как для юриста, специализирующегося в частном праве, описываемая история стала очередным подтверждением правильности случайно брошенного А. Егоровым тезиса о том, что в российском публичном праве все плохо. И ничего хорошего не предвидится пока. (Кстати, напомню, что идея создания при Президенте совета по кодификации публичного права была жестко отвергнута в свое

время: мол, не суйтесь.) Но если уж мне и раздавать оценки, то я считаю, что то, что сделала Москва, — это глубоко неправоное. И именно по описанным выше причинам (связанным в первую очередь с публичным, а не частным правом). Ссылка мэра на то, что русские люди живут по правде, а не по липовым бумажкам, для меня как юриста глубоко оскорбительна, потому что (в моей картине мира) право — это правда плюс должная процедура. А русские люди должны жить по праву.

Генерализовать же мысли о самовольном (по публично-правовым основаниям) строительстве на чужой земле можно следующим образом:

- а) если ты строишь на своей земле (собственной либо предоставленной для целей строительства), то ты полный господин над тем, что ты построил, потому что здание — продолжение твоей собственности на землю (либо строительной аренды). И тогда, действительно, снести даже самовольно построенное простой силой нельзя, даже администрации;
- б) если ты строишь на чужой частной земле (не имея права строительной аренды), то судьба здания, которое ты построил, не в твоих руках, а в руках собственника земли. Если ты построил с нарушением публичного права, то собственник земельного участка может легко требовать сноса. По общему правилу это должен быть суд, потому что споры частных лиц решаются в судах;
- в) если же ты строишь на публичной земле (без оформления строительной аренды, как это и было в случае со снесенными Москвой объектами), то судьба здания в руках администрации. Однако поскольку она — власть и имеет публичные полномочия (которые отсутствуют у собственников участков в случаях (а) и (б), так как те являются частными лицами), она может квалифицировать строение как самовольное вне зависимости от того, есть ли у самовольного застройщика регистрация права на самовольный объект, и принять решение о сносе. Более того, в силу того, что она — власть и право сноса в данном случае представляет собой не частно-правовой спор, она в некоторых случаях (угроза жизни и здоровью, нахождение постройки на землях общего пользования) может сносить здания и без судебного решения.

Разумеется, если ты не согласен с тем, что строение самовольное, ты можешь пойти в суд и оспорить решение администрации о квалификации постройки как самовольной. Потому что право на судебную защиту гарантировано Конституцией и никакая административная процедура не может заменить собой судебное разбирательство. Разумеется, по такого рода делам действие оспариваемого акта должно автоматически приостанавливаться и администрация должна лишаться права сноса.

В итоге получается, что спор о самовольности во всех трех перечисленных случаях в итоге будет судебным. Разница лишь в том, что в случаях (а) и (б) нападающим является тот, кто желает сноса, а в случае (в) — тот, кто не желает сноса.

Последнее решение вполне оправданно: я легко могу себе представить самовольных застройщиков, возведших палатки на публичных землях, которые впоследствии «превратились» в капитальные строения. Понимая всю бесперспективность своего положения, они просто не будут оспаривать акты администрации о сносе

построек. В этом случае — случае отсутствия спора — необходимость судебной процедуры для сноса очевидна.

Кстати, постановление Правительства Москвы от 08.12.2015 № 829-ПП о сносе 104 объектов было предметом проверки в Мосгорсуде⁷, который сказал на 30 страницах, что с этим нормативным актом все в порядке, он соответствует закону.

Другое дело, что я слабо могу себе представить суд, который осмелится (!) признать незаконным постановление (!!) Правительства Москвы (!!!). (Один такой суд я знавал, но его уже нет.) Перефразируя известную грустную шутку про другую сферу публичного права, можно не менее грустно пошутить: «Не нравятся наши административные решения о сносе? Обжалуйте их в наши суды!»

И разумеется, я очень жду возбужденных уголовных дел против чиновников мэрии, которые «не замечали» 104 снесенных объекта, а также против регистраторов, которые вносили записи в реестр о правах на такие объекты. Это было бы справедливо, «по правде».

References

- Bagaev V.* «Night of Long Knives» in Documents. What «Flimsies» did Confirm Rights of the Owners of the Demolished Constructions? [*Noch «dlinnyh kovshey» v dokumentakh. Kakie «bumazhki» podtverzhдали prava sobstvennikov snesyonnykh postroek*]. Available at: https://zakon.ru/blog/2016/02/20/noch_dlinnyh_kovshej_v_dokumentah_kakie_bumazhki_podtverzhдали_prava_sobstvennikov_snesennyh_postro (Accessed 12 April 2016).
- Bevzenko R.S.* «Demolish Everything» or «Let Them Build»? On the Legal Policy of the State in the Sphere of Unauthorised Constructions [*«Snesti vsyo» ili «Pust' stroyat»? O pravovoi politike gosudarstva v sfere samovolnogo stroitelstva*]. Available at: https://zakon.ru/blog/2014/05/03/snesti_vsyo_ili_pust_oni_stroyat_o_pravovoj_politike_gosudarstva_v_sfere_samovolnogo_stroitelstva (Accessed 12 April 2016).

Information about the author

Roman Bevzenko — Partner at Pepelyaev Group, Professor at Russian School of Private Law, PhD in Law (103132 Russia, Moscow, Ilyinka St., 8-2; e-mail: rbevzenko@gmail.com).

⁷ См.: решение Московского городского суда от 24.12.2015 по делу № 3а-907/2015.